
Глава 7

ПОХАБНЫЙ МИР

Отправляя ранним утром 24 февраля в Берлин сообщение о согласии принять новые, более жесткие, условия мирного договора, Ленин надеялся таким образом предотвратить оккупацию Петрограда стремительно наступающими германскими войсками. Разумеется, он не мог знать о том, что в планы немцев входило только вплотную приблизиться к Петрограду, но не брать его. Поэтому вести о захвате Пскова (города, расположенного в 240 км к юго-западу от Петрограда и соединенного с ним прямым железнодорожным сообщением), а также отказ, которым германское главное командование ответило на просьбу Крыленко прекратить огонь, и сообщения о продолжении вражеского наступления в петроградском направлении вновь разбудили его страхи о том, что немцы вознамерились захватить российскую столицу и сокрушить революцию. Одновременно немецкие войска продолжали продвигаться на восток и юго-восток, вглубь территории нынешних Белоруссии и Украины. Формальное подписание договора, покончившего с участием России в мировой войне, состоялось в Брест-Литовске 3 марта. Тогда же Президиум ВЦИК постановил, что Четвертый Всероссийский съезд Советов собирается для ратификации мирного соглашения 12 марта в Москве (1). Между тем, пока договор не был подписан и германские войска продолжали наступать, ленинское правительство и партийное руководство были вынуждены готовиться к возможной эвакуации и, одновременно, руководить обороной Петрограда и бороться не только с контрреволюцией, но и яростной оппозицией «левых коммунистов» и левых эсеров по отношению к «похабному» сепаратному миру.

* * *

Вопрос об эвакуации правительства в Москву обсуждался 26 февраля на заседании Совнаркома, и принятая там формальная резолюция подтвердила намерение продолжить подготовку к переезду (2). Этому

решению предшествовала череда кризисов и мер, принятых в ответ на них в последние дни. Взятие немцами Пскова 24 февраля сопровождалось беспорядочным бегством русских войск перед наступающими, как казалось, широким фронтом на Петроград германскими войсками. В то же время, в результате всеобщей мобилизации и отправки на фронт петроградских рабочих, существенно возросла уязвимость правительства перед лицом внутренних заговоров. 22 февраля Совнарком назначил Чрезвычайную комиссию по эвакуации, которая должна была начать приготовления к переезду (3). Еще раньше, 20 февраля, Совнарком сформировал Временный исполнительный комитет, призванный действовать от имени правительства в период быстро развивающегося военного кризиса. К вечеру следующего дня (21 февраля) столица была объявлена на осадном положении, а Петроградский Совет сформировал Комитет революционной обороны Петрограда и передал ему все функции, связанные с руководством защитой города (4).

В первые же часы своего существования Временный исполнительный комитет Совнаркома издал ряд прокламаций, призывающих русский народ с оружием в руках защитить завоевания революции. Самой важной из них была прокламация «Социалистическое Отечество в опасности!»:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира... [Однако] германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии.

Написанная Троцким и отредактированная Лениным, эта прокламация сообщала о принятии Совнаркомом декрета о том, что все силы и средства страны должны быть отданы исключительно революционной обороне, что все Советы и другие революционные орга-

низации должны защищать свои позиции до последней капли крови, и что должно быть сделано все возможное, чтобы не дать немцам воспользоваться российскими железнодорожными путями и оборудованием, а также не допустить попадания в руки врага продовольственных запасов и другой ценной собственности. Помимо этого предусматривалось немедленное закрытие контрреволюционных печатных изданий и расстрел «на месте преступления» «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов». Прокламация «Социалистическое Отечество в опасности!» была разослана телеграфом во все Советы на территории России и опубликована на следующий день в «Правде» и «Известиях» как декрет Совнаркома (5).

К моменту, когда собравшийся на вечернее заседание 21/22 февраля ВЦИК принял решение о необходимости начать приготовления к всеобщей обороне от «германских полчищ», работа в соответствующем направлении уже началась. Однако задача организации дееспособной обороны была чрезвычайно трудным делом, вне зависимости от моши германских войск. Состояние полной деморализации, в котором пребывала старая армия, свидетельствовало о безнадежности попыток использовать ее в этих целях. Что касается частей Петроградского гарнизона, то и они, как однозначно дал понять на заседании Петросовета 21 февраля Крыленко, находились в последней стадии разложения.

Ненадежность войск гарнизона стала очевидной 25 февраля, когда большевик Константин Еремеев, командующий Петроградским военным округом и член Комитета революционной обороны Петрограда, попытался двинуть номинально подчиненные ему войска на Северный фронт. За исключением единственного полка латышских стрелков, части гарнизона, отобранные для переброски на фронт, чтобы встретить немцев, отказались подчиниться приказу (6). При этом накануне вечером и ночью (так называемой «ночью заводских гудков» 24/25 февраля), когда было получено сообщение о падении Пскова и все в городе сочли его предвестием скорого и неминуемого наступления немцев на Петроград, в большинстве гарнизонных частей прошли массовые митинги, где были приняты обязательства стоять насмерть на защите столицы. На деле же никто не тронулся с места. Несколько частей отказались идти сражаться, пока им не

будут гарантированы усиленное довольствие и оплата. Однако более типичным оказалось поведение Петроградского и Измайловского полков. Когда, с огромными усилиями, большевикам в этих полках удалось вывести солдат из казарм и построить, только несколько немногочисленных и неоднородных групп пожелали двинуться к Варшавскому вокзалу, где их ожидали эшелоны, но и они, в конце концов, отказались грузиться в поезда. Лишь отдельные солдаты-большевики из этих полков согласились поехать на фронт (7).

С мобилизацией заводских рабочих дело обстояло еще сложнее. По сравнению с концом октября 1917 г., когда на столицу наступал Керенский, в феврале–марте 1918 г. в отношениях между петроградским пролетариатом и большевиками произошло охлаждение, которое негативно сказалось на мобилизационных усилиях. В определенной степени, это изменение явилось результатом разочарования масс экономическими итогами Октябрьской революции и особенно продовольственными трудностями и растущей безработицей. Среди прочих факторов, тормозивших процесс мобилизации рабочих, были: общая деморализация; поредение рядов пролетариата за счет ухода значительного количества партийных и беспартийных рабочих в Красную гвардию, отряды которой уже сражались, упрочивая победу революции по всей стране и отражая натиск контрреволюции на Дону; внезапность возобновления немцами наступательных действий; а также крайне сложная военно-политическая ситуация. Важно также помнить, что после 10 февраля петроградских рабочих заставили поверить в то, что война *окончена*. Поскольку полученное 16 февраля предупреждение Германии о возобновлении военных действий в полдень 18-го не было сразу доведено до сведения масс, и они узнали о нем уже после того, как наступление началось, получалось, что рабочих вдруг, ни с того ни с сего, стали призывать отправиться на фронт, чтобы сражаться не на жизнь, а на смерть за спасение революции. К тому же, приказ о мобилизации совпал по времени с первой военной победой войск Антонова-Овсеенко над корниловско-калединской контрреволюцией на юге (23 февраля красными был взят Ростов). В разгаре были общественные дебаты вокруг вопроса о войне и мире с Центральными державами, и создавалось впечатление, что Советское правительство не исключает возможности, что мир на приемлемых условиях еще может быть

достигнут. Отсюда недоумение и даже паника, с которыми рабочие поначалу реагировали на мобилизацию (8).

В советскую эпоху российские историки, писавшие об этом периоде, неизменно подчеркивали, что партийной организации большевиков удалось успешно организовать оборону Петрограда (9). Это утверждение явно не соответствовало действительности (10). Когда немцы возобновили наступление, Петербургский комитет, пытаясь остановить растущую катастрофу, обратился к районным комитетам партии с призывом выделить людей для отправки на фронт, и они постарались сделать все, что могли (11). Однако 24 февраля ПК издал распоряжение, согласно которому все партийные активисты должны были перейти в распоряжение районных Советов, что еще больше сократило кадровые ресурсы районных комитетов (12). В то время как роль большевистских партийных органов в Петрограде во время февральской военной тревоги 1918 г. оказалась уменьшена за счет перераспределения в пользу местных Советов, левоэсеровские боевые дружины — самостоятельные военные подразделения, созданные и действующие под руководством и контролем партии левых эсеров — множились (при поддержке большевиков) и играли важную роль в оборонительных мероприятиях. 26 февраля в их распоряжение были переданы казармы и оружейный склад Литовского полка. В тот же день, с разрешения большевистских властей, левые эсеры захватили запасы оружия, принадлежавшие бывшему Пажескому корпусу, и разместили в его помещении свой штаб. На протяжении всего военного кризиса левый эсер Михаил Левинсон исполнял обязанности заместителя председателя Комитета революционной обороны Петрограда, а левоэсеровские боевые дружины были одними из самых надежных его воинских подразделений (13).

Помимо левых эсеров и их боевых дружин, Комитет революционной обороны Петрограда опирался на районные Советы, в которых поначалу сильна была оппозиция принятию германских мирных условий. Это делает понятным решение ПК большевиков укрепить их состав партийными кадрами. Со своей стороны, многие районные Советы, опираясь на такие руководящие документы, как прокламация «Социалистическое Отечество в опасности!», ускорили оборонные приготовления. Так, Совет Петроградского района принял решение создать свой собственный Комитет революционной обороны,

что и было сделано на встрече с представителями гарнизонных частей и фабзавкомов (14). Столь же энергично взялся за дело и Василеостровский районный Совет, заявив о своем праве призывать на военную службу, в случае надобности, всех своих депутатов, членов революционных партий и фабзавкомов, приостановив увольнения заводских рабочих в возрасте от 18 до 50 лет и введя 6-часовой рабочий день, чтобы рабочие могли два часа в день посвящать учебе военному делу (женщины-работницы должны были осваивать навыки санитарно-медицинской службы). Кроме того, было решено из представителей среднего класса района формировать бригады для рытья окопов (15).

Рождественский районный Совет призвал фабзавкомы организовать круглосуточное дежурство на местных предприятиях, поставить на учет всех способных носить оружие или рыть траншеи и активизировать призыв в Красную армию (16), который тогда только начинался. Петергофский районный Совет, обсудив вопросы, связанные с призовом в Красную армию, постановил создать собственную военную секцию для работы в этом направлении в тесном контакте с штабом местной Красной гвардии (17). Другие районные Советы в это же время отправили самых толковых своих депутатов на фронт, чтобы попытаться навести хоть какой-то порядок в войсках старой армии. Так поступил, например, Совет окраинного Новодеревенского района (18).

Вечером 22 февраля Комитет революционной обороны Петрограда начал предпринимать попытки упорядочить и направить в единое русло все подобные усилия. В телефонограмме, разосланной в районные Советы и полковые гарнизонные комитеты, он обязал их немедленно начать комплектовать отряды Красной армии, которые могли бы отправиться на фронт не позднее 24 февраля (19). Однако районные Советы не терпели посягательств на свою свободу действий и на директивы сверху обычно реагировали, исходя из собственных, независимых, оценок происходящего.

Потенциально важными, с точки зрения мобилизации рабочих, органами являлись также профсоюзы. 22 февраля Петроградский совет профсоюзов, по-прежнему возглавляемый «левым коммунистом» Рязановым, собрался на экстренное заседание, чтобы обсудить вопрос о войне и мире (20). Среди участников этого заседания были

представители двадцати крупнейших и наиболее активных петроградских профсоюзов. Сначала перед собравшимися с бодрой речью выступил Рязанов, который призвал профсоюзы, во-первых, настроить рабочих на то, что для спасения революции от них потребуется максимум дисциплины, энергии и самопожертвования, а во-вторых, воспользоваться своей организационной структурой, чтобы помочь создать мощную социалистическую Красную армию. Затем Совет обратился к профсоюзам с призывом сплотить свои ряды вокруг ВЦИКа и Совнаркома ради общей самоотверженной защиты революции. Среди профсоюзов, принявших самое активное участие в оборонных приготовлениях, были профсоюзы металлистов, транспортных рабочих, работников пищевой и деревообрабатывающей промышленности (21).

Среди более масштабных мероприятий исполком Петроградского Совета запланировал на вторую половину дня 23 февраля проведение целой серии призывных митингов в различных залах и театрах столицы. В числе известных выступающих были Бухарин, Зиновьев, Луначарский, Володарский, Раскольников и Слуцкий — от большевиков и Камков, Штейнберг и Трутовский — от левых эсеров. Пресса сообщала по поводу настроений петроградских рабочих на этих собраниях: «Минутная паника бесследно растворилась в подъеме чувства революционного долга» (22). Впрочем, в готовность воевать революционный энтузиазм не перерос. Эти митинги дали сравнительно ничтожное число призывников, и то же можно сказать об усилиях районных Советов (23). Распоряжения, отданные Комитетом революционной обороны Петрограда массовым организациям вечером 24 февраля, сразу после оккупации Пскова германскими войсками, свидетельствовали о панике: «всем Советам, всем, всем» предписывалось объявить всеобщую мобилизацию рабочих и солдат и срочно направить их к Смольному, затем собрать все лопаты и все автомобили и также доставить их в Смольный. Жителям столицы было приказано быть готовыми к воздушным налетам и газовым атакам противника (24).

* * *

Стараясь преодолеть массовое сопротивление призыву в Красную армию, оправдать подавление контрреволюционной активности в Петрограде и увеличить полномочия органов безопасности, больше-

вистские власти предприняли попытку соединить в массовом сознании германское наступление с усилиями русской буржуазии, эсеров и даже меньшевиков свергнуть Советскую власть изнутри. С точки зрения большевиков, призывы умеренных социалистов к борьбе единым фронтом против германского империализма, с которыми они выступили на заседании ВЦИКа ночью 23/24 февраля, объяснялись единственной надеждой на то, что заведомо проигрышная война приведет к гибели большевизма. Обвинять меньшевиков в причастности к заговорам было особенно несправедливо, поскольку меньшевистская партия как раз выступала против подобной деятельности. Тем не менее, многочисленные документальные свидетельства того времени показывают, что распуск Учредительного собрания в начале января, а затем мирные переговоры Советского правительства, завершившиеся принятием Брестского мира, способствовали активизации деятельности контрреволюционных групп в Петрограде.

Еще в первой половине января Смольный неоднократно получал угрозы с предупреждениями о заложенных бомбах (25). В конце месяца ВЧК успешно раскрыла заговор, нацеленный на свержение Советского правительства, в котором, как предполагалось, принимали участие несколько тысяч хорошо вооруженных офицеров, вполне возможно, при поддержке британцев. Иван Полукаров, возглавлявший в ВЧК отдел по борьбе с контрреволюцией, позже назвал этот заговор самым опасным из тех, с которыми пришлось столкнуться ВЧК в первые полгода ее существования, поскольку, по его словам, «этот штаб имел всюду своих агентов» (26). Неопубликованные документы того времени проливают свет на ситуацию, связанную с этой контрреволюционной группой. Так, срочное послание Дзержинского районным Советам от 27 января, а также протоколы чрезвычайных заседаний исполкома Василеостровского Совета от 28 января и Петергофского Совета и его исполкома от 28 и 29 января указывают, что в ночь на 27-ое ВЧК провела общегородское экстренное совещание с представителями районных Советов с целью попросить у них помочь и обсудить директивы, связанные с подавлением контрреволюционного заговора (27). Все петроградские районные Советы получили указание привести свой персонал в 24-часовую готовность, мобилизовать ресурсы, докладывать об успехе операции по подавлению заговора на их территории и создать свои, районные, ЧК (28).

Несколько недель спустя возобновление германского наступления и опасения, что его цель — оккупация Петрограда, привели к значительному расширению полномочий ВЧК. Одна из самых решительных прокламаций, опубликованных в самом начале вражеского наступления, «Социалистическое Отечество в опасности!», предусматривала расстрел на месте преступления как обычных преступников, так и контрреволюционеров. Прокламация была издана Временным исполнительным комитетом без предварительного обсуждения полным составом Совнаркома (29). На следующий день, 22 февраля, на заседании правительства вспыхнула дискуссия между левыми эсерами и большевиками по поводу этого карт-бланша на внесудебные расстрелы. Левые эсеры потребовали убрать этот пункт из прокламации как создающий опасный прецедент. Но, как и следовало ожидать, при голосовании по этому вопросу они оказались в меньшинстве (30). Впоследствии Штейнберг указывал на этот пункт в этом первом официальном документе, санкционировавшем применение к политическим противникам расстрела без суда и следствия, как на «расчистивший путь террору ВЧК» (31). ВЧК немедленно ухватилась за этот мандат, заявив 22 февраля, что «в данный момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, Всероссийская чрезвычайная комиссия... не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения их на месте преступления» (32).

Не только ВЧК, но и другие органы поспешили воспользоваться прокламацией для оправдания внесудебных расстрелов (33). Среди них были петроградские районные Советы и Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. Последний, вслед за ВЧК, 22 февраля разрешил частям Красной армии применять расстрелы на месте, однако это разрешение вскоре было отменено. Тем не менее, начиная с этого момента, набранные в спешке красноармейские новобранцы стали грозой Петрограда.

В циркулярном послании от 23 февраля ВЧК объявила, что ею раскрыт еще один общенациональный заговор русской буржуазии, направленный на то, чтобы помочь немцам и нанести Советской власти удар в спину путем организации вооруженных восстаний в Петрограде, Москве и других российских городах. ВЧК предупреж-

дала районные Советы Петрограда и другие рабочие организации, что многие контрреволюционные банды свили гнезда в таких якобы благотворительных организациях, как организация помощи раненым офицерам. Это ставило под подозрение практически все гуманитарные организации, неподконтрольные правительству. Советам предписывалось выявлять, арестовывать и расстреливать всех участников контрреволюционных заговоров. В циркуляре ВЧК были упомянуты такие контрреволюционные организации, как «Организация борьбы против большевиков и за отправку войск Каледину», «Все для Отечества», «Белый крест» и «Черная точка». Примерно в это же время группа офицеров и кадетов, выступавших против брестского соглашения, обосновалась в стенах недавно возобновившей свою работу Михайловской артиллерийской академии. Под прикрытием академии они вели антисоветскую агитацию среди солдат и рабочих и занимались приобретением оружия для своих сторонников. Руководили этой группой правые эсеры, в том числе некий Владимир Перельцвейг, о котором еще пойдет речь далее (34).

Заявление ВЧК о ее намерении расстреливать контрреволюционеров на месте, сделанное 22 февраля, было опубликовано в прессе. Этот акт вполне можно рассматривать как пример упреждающего государственного террора. Однако то, что озабоченность советских органов безопасности по поводу «гидры контрреволюции» была подлинной, а вовсе не декларативной, подтверждают документы, никогда не публиковавшиеся и не предназначенные для широкой публики. Так, в записке от 24 февраля, помеченной «секретно» и «очень срочно», Комитет революционной обороны Петрограда приказывал районным Советам создавать, наряду с воинскими формированиями для переброски на фронт, летучие отряды для борьбы с внутренней контрреволюцией (35). 26 февраля районные Советы получили распоряжение немедленно организовать обыски подозрительных организаций, учреждений и домов отдельных представителей буржуазии на предмет поисков оружия (36). Еще одно секретное и срочное послание районным Советам, датированное 27 февраля, отразило тревогу Комитета в связи с сообщениями о передвижениях германских войск восточнее Пскова. «Немедленно, — требовал он, — принять энергичные меры к уничтожению расклеенных по городу прокламаций под заглавием «Россия продана немцам»... Всех рас-

клеивающих, коих застанете на месте, расстреливайте сейчас же» (37). По мнению представителей районных Советов, собравшихся на Междурайонное совещание, это было уже слишком. Совещание приняло и распространило директиву, ограничивающую применение расстрелов на месте случаями, когда подозреваемые оказываются вооруженное сопротивление (38). Эта директива вполне может быть расценена как попытка снизу пресечь эксцессы, спровоцированные прокламацией Временного исполкома СНК от 21 февраля.

* * *

Между тем, реакцией масс на мобилизационные усилия в дни после падения Пскова 24 февраля стал кратковременный всплеск призывной активности среди рабочих. Этот скромный прогресс отразили отчеты из Выборгского, Нарвского, Охтинского, Первого и Второго городских и Рождественского районов о призывае в Красную армию, о продовольственном обеспечении призывников и о политических настроениях рабочих на местах в период 23–26 февраля (39). Несмотря на неполноту, взятые в совокупности, эти отчеты образуют довольно репрезентативный срез ситуации в Петрограде.

Особый интерес — и из-за своей исторической роли оплота большевизма в 1917 г., и из-за того, что теперь, в феврале 1918 г., это была зона промышленного бедствия — представлял отчет из Выборгского района. Он сообщал, что 26 февраля в Красную армию записались 3600 добровольцев, почти все — рабочие. Районный Совет сумел обеспечить новобранцев оружием и боеприпасами. С продовольствием дело обстояло сложнее. Однако в отчете отразилась уверенность, что эта трудность преодолима. Что касается настроения рабочих в целом, то оно оценивалось как «самое революционное». Контрреволюционная агитация в районе, как было отмечено, «пресекается в корне». Среди рабочих ведется разъяснительная работа, проводятся собрания, которые «посещаются охотно». В общем, жизнь в районе «обыкновенная» (40).

Отчет из неоднородного в экономическом и политическом отношении Нарвского района, расположенного к югу от центра города, сообщал, что предоставление точных данных о количестве призывников осложняется тем соображением, что в районе имеется несколько призывных пунктов. Однако автор отчета выразил уверен-

ность, что цифра составляет «более двух тысяч». Оружия у них достаточно, но проблема с продовольствием. Составлен список «буржуазных» жителей, и «по первому требованию» их привлекут к выполнению работ, связанных с оборонными нуждами. По поводу настроения рабочих автор замечал, что хотя оно и оптимистическое, говорить, что оно отражает желание воевать, было бы неправильно. У населения вообще настроение «контрреволюционное»; антисоветская агитация растет (41).

Призывной пункт Красной Армии. David King Collection.

Данные из полупромышленного правобережного Охтинского района свидетельствовали, что в Красную армию записались тысяча человек (большинство из них рабочие с небольшой примесью ветеранов-солдат). Настроение рабочих в районе оценивалось как «бодрое», а зажиточных обывателей — «трусливое». Завершался отчет констатацией: «Жизнь обыденная, никакой паники, ни контр[революционных] выступлений» (42).

Отчеты из небольших по размеру, менее индустриализованных и более благополучных коммерческих, правительственные и обыва-

тельских районов в центре города были не так вдохновляющи, как те, что поступили из пролетарских районов. Например, сообщение из Первого городского района, где находилось несколько крупных, недавно закрытых государственных оборонных заводов, содержало информацию, что «запись [в Красную армию] идет оживленно», и что настроение в рабочих кругах «бодрое», даже «приподнятое». В то же время, настроение обывателей, в результате контрреволюционной агитации, «забито-растерянное». Автор этого отчета затруднился назвать конкретные цифры призыва в Красную армию по району. Однако он указал, что этим утром (26 февраля) на фронт из района отправились 250 призывников и еще 250 должны отправиться вечером (43). Общая ситуация во Втором городском районе была примерно такой же, как и в Первом, только в отчете Второго района отсутствовали цифры (44). Сведения из Рождественского — маленького района в центре города, имевшего стратегическое значение, так как там находились Смольный и Таврический дворцы — как и следовало ожидать, порадовать не могли. Согласно отчету районного Совета, призыв в Красную армию там шел «очень вяло» (45).

Общая численность добровольцев, записавшихся в армию в этих шести районах за отчетный трехдневный период (23–26 февраля), составила 10 320 человек — не слишком впечатляющая цифра, если учесть, что враг, как считалось, стоял на пороге Петрограда. Однако она могла не отражать всей полноты картины. Судя по имеющимся данным, даже те заводские рабочие, которые были готовы воевать, часто предпочитали записываться во временные, нерегулярные партизанские отряды, формируемые на их предприятиях или при профсоюзах, нежели связывать себя более долговременными и жесткими обязательствами, которые влекло за собой вступление в Красную армию (46). Кроме того, цифры призыва в Красную армию не включали тех, кто записался в левоэсеровские боевые дружины.

Но, даже учитывая все это, оценить отношение рабочих к делу защиты революции от германской угрозы все равно очень трудно. В воспоминаниях, опубликованных в 1927 г., Федор Дингельштедт, член ПК большевиков, «левый коммунист» и агитатор, работавший на заводах и фабриках Петроградской стороны, полагал, что, оценивая реакцию на призывную агитацию этого периода, нужно проводить различие между местными партийными лидерами и рабочими

активистами, с одной стороны, и рядовой рабочей массой, с другой. Первые, по его мнению, хотя и начали в это время пересматривать свою позицию относительно масштабов германской угрозы, в основном продолжали сочувствовать идее революционной войны и демонстрировали искреннюю готовность сражаться с немцами. Что касается рядовых рабочих, то они не хотели идти воевать с самого начала.

Отряд красногвардейцев позирует фотографу перед отправкой на фронт. Фото Я Штайнберга. *David King Collection*.

Воспоминания Дингельштедта особенно ценные тем, что основаны на его личных дневниковых записях этого периода. Кроме того, как «левый коммунист», он не стал бы преувеличивать пассивность рабочих по отношению к войне с немцами. В качестве иллюстрации своего мнения он описывает два собрания на Трубочном заводе, на которых он выступал в один день, 23 февраля. На первом собрались члены заводской организации большевиков, которые, вспоминал Дингельштедт, встретили его «замечательным подъемом». Вторым

был массовый митинг рабочих завода, и картина там была прямо противоположной: резкий спад настроения в беспартийных массах, выразившийся в жалобах и недовольстве, вызванном ухудшением экономической ситуации и международного положения (угроза новой войны). «Такая картина, по-видимому, может считаться более или менее характерной для широких слоев рабочего Петра тех дней», — подвел итог Дингельштедт. В качестве дополнительного примера он привел митинг в вагоностроительном цехе Александровского машиностроительного завода, состоявшийся 27 февраля, на котором он столкнулся с аналогичной ситуацией (47).

В отличие от Дингельштедта, большинство современников, писавших на эту тему, наблюдали сравнительно быструю перемену в отношении к войне и миру (от поддержки революционной войны к требованиям немедленного мира) и у районных партийных активистов, и у рядовых рабочих. Выступая 7 марта на Седьмом (экстренном) съезде партии большевиков, Кирилл Шелавин, один из немногих членов Петербургского комитета, кто с самого начала был за мир, обратил внимание на момент, когда, по его мнению, в массовом сознании произошел поворот на 180 градусов:

Две недели тому назад рабочие стояли за революционную войну... Но когда рабочие увидели, что враг страшен, что это не одна лишь белая гвардия, а и вооруженные по всей технике современности [войска]... все коллективы, один за другим, стали выносить постановления о невозможности ведения революционной войны и о заключении мира.... Прошло то время, когда петербургские рабочие по призыву фабричных гудков шли на защиту революционного Петербурга (48).

Под давлением рядовой массы, точно такой же поворот, как и описанный Шелавиным, произошел, похоже, в профсоюзах и районных Советах. Как отмечалось ранее, на экстренном заседании 22 февраля Петроградский совет профсоюзов принял предложенную Рязановым резолюцию с призывом оказать всемерную поддержку революционной войне. На заседании 28 февраля, уже после того, как Совнарком принял новые, более жесткие, условия мирного договора, Совет профсоюзов снова принял левокоммунистическую резолюцию, внесенную Рязановым (49). Однако это был его последний

успех. 9 марта на совещании представителей входящих в Петроградский совет профсоюзов рязановская позиция потерпела поражение. Большинство из присутствовавших на совещании пятисот профсоюзных представителей проголосовали за ратификацию мирного договора (50).

Аналогичную перемену в отношении к войне и миру можно было наблюдать и в районных Советах. Если в начале германского наступления большинство из них тяготело к поддержке «левых коммунистов», то в марте это было уже не так. Ситуация в Выборгском районе, где призыв в Красную армию поначалу шел относительно успешно и где в конце февраля настроение рабочих характеризовалось как «самое революционное», является показательной в этом отношении (51). В начале марта, когда казалось, что атаки немцев на Петроград не избежать, Выборгский районный Совет вплотную занялся практическими мерами, связанными с эвакуацией, уничтожением собственности, которую нельзя было вывезти, организацией обороны каждого дома (на случай, если до этого дойдет), и планами насчет буржуазии (что с нею делать, если ситуация будет развиваться в этом направлении).

Подобные вопросы, похоже, занимали умы всех участников заседания исполкома Выборгского Совета, состоявшегося 4 марта. Это был момент, когда мирный договор в Брест-Литовске уже был подписан (3 марта), но германское наступление продолжалось, как и усилия Комитета революционной обороны Петрограда по укреплению обороны города. Председатель собрания Александр Куклин, бывший член Петербургского комитета большевиков, заявил, что ввиду жестокого обращения немцев с рабочими в Пскове и Нарве, необходимо держать наготове все транспортные средства и организовать рабочих в красногвардейские отряды. Последнее явно подразумевало самооборону, в случае если рабочих не удастся вывезти из города. Как осуществить все это систематически, не вызывая при этом паники, было непонятно, тем более что, как выразился еще один докладчик, «ждать с центра распоряжения не приходится, так как центр опирается на нас». Серьезному рассмотрению подвергся вопрос об изоляции всех противников Советской власти — «от лавочника до профессора» — в одном месте, где они могли бы находиться под контролем. В конце было решено предложить Совету принять

резолюции, предусматривающие такие шаги, как мобилизация всех рабочих в возрасте от 18 до 50 лет, независимо от партийной принадлежности; уничтожение всех объектов, могущих представлять ценность для немцев; и расстрел контрреволюционеров, если они попытаются предпринять какие-то действия (52). Пленарное заседание Совета внесло в этот список дополнительно эвакуацию рабочих семей (53).

* * *

В то время как в массовом сознании по отношению к борьбе с немцами происходили перемены, большинство Петербургского комитета большевиков, верное своей радикальной, независимой традиции, упорно придерживалось идеи революционной войны. 25 февраля, на следующий день после принятия новых мирных условий Германии, ПК собрал на совещание представителей районных парткомитетов. На встрече была принята резолюция, осуждающая действия правительства, поскольку они, как было указано, не остановят наступления Германии, и настаивающая, что нет иного выхода, кроме самозащиты «с оружием в руках» (54). Четвертая городская конференция петроградских большевиков, работа которой была приостановлена 20 февраля, после того как ее участники потребовали аннулировать принятие правительством германских мирных условий (55), 1 марта собралась вновь, чтобы пересмотреть свою позицию по войне и миру и выбрать представителей на Седьмой Всероссийский съезд РСДРП(б), открывавшийся через неделю (56).

К моменту, когда конференция возобновила свою работу, страхи по поводу возможной оккупации Петрограда и отчаянные усилия Совнаркома обеспечить его защиту на короткое время усилились. Обстоятельства, вызвавшие эту новую тревогу в начале марта, были близки к комическим. 1 марта новый секретарь российской мирной делегации в Брест-Литовске Лев Карабан отправил в Петроград Совнаркому две телеграммы. В первой, шифрованной, излагались дипломатические подробности, связанные с подписанием мирного договора. Вторая, набранная открытым текстом, содержала просьбу прислать поезд, чтобы забрать делегацию из Бреста. Просьба эта была продиктована нежеланием русской делегации задерживаться во

вражеском тылу, как только договор будет подписан. По несчастному недоразумению, вторая телеграмма опередила первую, и Ленин тут же решил, что переговоры провалились, о чем 2 марта и было объявлено в «Правде». Опубликованное там экстренное обращение Ленина призывало все Советы и «всех, всех, всех» приготовиться к неминуемой атаке немцев на Петроград (57). Редакция «Правды» пошла еще дальше, поместив на первой странице следующий заголовок: «Наша мирная делегация возвращается в Петроград. Вопрос о войне и мире решен: ВОЙНА!.. Старый капиталистический мир обрушивается на нас всей своей мощью». Видимо, неслучайно, что именно в этот день Ленин подписал декрет о сосредоточении командования всеми советскими вооруженными силами в руках нового органа — Высшего военного совета.

Эта новая вспышка страха оккупации произошла на следующий день после того, как возобновившая свою работу Четвертая конференция петроградских большевиков обсуждала вопрос о войне и мире, и, следовательно, повлиять на это обсуждение не могла. А, поскольку делегаты на эту конференцию были избраны еще в середине февраля, то столь же невероятно, чтобы на их взглядах успели отразиться недавние изменения в настроениях рабочих по отношению к миру. Главными докладчиками на конференции были представители высшего партийного руководства: Радек и Бухарин — от «левых коммунистов», Свердлов и Зиновьев — от ленинистов. Обосновывая свою позицию в защиту революционной войны, Радек строил доказательство на том, что идея мирной передышки является бессмысленной, поскольку ситуация такова, что Россия будет вынуждена «делать уступку за уступкой — или через две-три недели начать новую войну». «Третьего нет», — заключал он. Свердлов доказывал обратное. Его главный аргумент состоял в том, что для ведения войны у России нет практической возможности: «когда понадобилось отправить отряды на фронт, в нашем распоряжении не оказалось ни одного человека». «Мы будем после заключения мира организовывать Красную армию, — пообещал он. — Мы перед всем народом объявляем, что мы подписываем этот гнусный мир, для того чтобы добиться передышки...». По поводу отвергающей мир позиции «левых коммунистов» Свердлов намекнул, что она содержит в себе «семена раскола», и призвал делегатов отказаться от этого курса (59).

Намек Свердлова на то, что «левые коммунисты» ведут партию к расколу, возмутил Бухарина. Раскол, как совершенно справедливо заметил он, инициировал Ленин, когда, в ответ на поддержку большинством ЦК революционной войны, пригрозил подать в отставку (60). Выступавший последним Зиновьев в своем доказательстве необходимости ратификации исходил из настроений рабочих, о которых он мог судить по Петроградскому Совету. Выслушав «революционные фразы» «левых коммунистов», представители Совета продолжали настаивать на необходимости мира. Не отметая полностью утверждения «левых коммунистов» о присутствующем у рабочих революционном энтузиазме, Зиновьев утверждал, что «уход рабочих на фронт, уход на фронт всех большевиков... означает физическую смерть партии, избиение цвета пролетариата» (61). В конце своего выступления Зиновьев призвал «левых коммунистов», которые в это время готовились издавать в Петрограде свою собственную газету, «Коммунист» (62), отказаться от этого шага. Аргументы Свердлова и Зиновьева, впрочем, не повлияли на большинство делегатов конференции. Одобрав позицию «левых коммунистов», они избрали делегацию на Седьмой съезд партии и новый Петербургский комитет, причем и там, и там «левые коммунисты» были в большинстве (63). Первый номер газеты «Коммунист» вышел в свет 5 марта.

В этот момент петроградские «левые коммунисты» были убеждены, что районные партийные комитеты и значительное число рядовых рабочих все еще на их стороне. Однако ко времени открытия Седьмого съезда (8 марта) эта их уверенность существенно пошатнулась, в чем «левые коммунисты» откровенно признались. Так, после констатации негативного влияния, которое оказали на структуру и деятельность партийной организации в Петрограде, особенно в таких промышленных районах, как Выборгский, закрытия заводов и призыв в Красную армию, автор статьи в «Коммунисте» 14 марта писал: «По вопросу о войне и мире мнение в районах изменилось. В то время, как раньше представители районов, отражая мнение последних, определенно защищали позиции революционной войны, сейчас преобладает настроение в пользу ратификации мирного договора» (64). Протоколы заседаний районных комитетов партии в середине марта служат подтверждением этого изменения (65).

5 марта вопрос о мире обсуждался на пленарном заседании Петроградского Совета. После открытого, лоб в лоб, столкновения между Зиновьевым и Камковым собрание отказалось поддержать антибрестскую резолюцию, на принятии которой настаивали меньшевики, эсеры и левые эсеры, и проголосовало за одобрявшую ратификацию резолюцию большевиков — вопреки стойкой поддержке революционной войны со стороны Петербургского комитета. Следует добавить, что на проведенном Зиновьевым перед пленумом собрании большевистской фракции Петросовета была принята резолюция, осуждающая издателей «Коммуниста» и требующая переизбрания ПК (66). Как сообщала «Красная газета», голосование за эту неправомерную резолюцию было «несколько сот к одному» (67). И это было еще одно свидетельство произошедшего в низах перелома в сознании в пользу ратификации мирного договора и против «левых коммунистов».

* * *

В самом начале марта, когда угроза германской оккупации Петрограда виделась реальной и неизбежной, Петербургский комитет обратился к ЦК с предложением перенести в Москву намеченный на 5 марта Седьмой съезд большевистской партии (68). Кроме того, по настоянию Петербургского комитета, Зиновьев передал ЦК срочную просьбу о выделении городской партийной организации нескольких сот тысяч рублей на обеспечение существования в условиях подполья, если возникнет такая необходимость (69). В районных комитетах к тому времени подготовка к переходу на нелегальное положение уже началась. Между тем, несмотря на то, что переезд правительства в Москву был уже делом решенным, обе просьбы ПК были отклонены. Справедливо предположить, что прохладное отношение ЦК к заботам Петербургского комитета было вызвано яростной оппозицией последнего в вопросе о подписании мирного договора. Симптоматичным в этой связи является тот факт, что 9 марта на своем последнем заседании в Петрограде ЦК проголосовал за *распуск* Петербургского комитета. Зиновьеву, Смилге и Лашевичу, возглавившим поход против ПК в большевистской фракции Петросовета, было поручено осуществить это решение и, предположительно,

проследить за формированием более послушного, «прobreстского», Петербургского комитета (70).

Возможно, самым примечательным аспектом Седьмого Всероссийского съезда большевистской партии, главной целью которого было добиться одобрения партией ратификации Брестского мирного договора перед вынесением ее на Четвертый съезд Советов, было то, что он вообще состоялся. Учитывая трудности передвижения до Петрограда: немцы стояли буквально «у ворот» плюс разруха на железнодорожном транспорте, — ЦК большевиков заранее решил, что этот съезд будет считаться правомочным, если на нем соберется больше половины численности делегатов Шестого съезда (71). На том съезде, состоявшемся в начале августа 1917 г., присутствовало 157 делегатов с решающим голосом и 110 — с совещательным. Следовательно, даже если не брать в расчет «совещательных» делегатов, для кворума на Седьмом съезде было необходимо, как минимум, 79 делегатов с решающим голосом. 5 марта, в день, когда съезд должен был открыться, в столице присутствовали только 17 делегатов с решающим голосом. На следующий день их стало 36, и еще несколько человек, как отмечалось, были в пути (72). И хотя это составляло меньше половины необходимой для кворума численности, съезд было решено начать. Вероятным объяснением такого отступления от согласованной ранее процедуры является то, что дальнейшее промедление не устраивало Ленина, которому нужно было успеть нейтрализовать «левых коммунистов» и добиться мандата партии на ратификацию Брестского договора перед решающей схваткой с левыми эсерами и умеренными социалистами на быстро приближающемся Четвертом съезде Советов. Кроме того, все боялись, что немцы в любой момент могут начать наступление на Петроград.

Ленин воспользовался своей ролью докладчика от Центрального Комитета, чтобы начать дебаты о ратификации и задать их формат. Основной упор он сделал на той степени, в которой полная и бесповоротная катастрофа на фронте оправдала его почти двухмесячные призывы к немедленному миру, и, как неразумных детей, отчитал «левых коммунистов» за гораздо более тяжелые условия мира, которые теперь революция вынуждена принять. Значительную долю вины за трудное положение, в котором оказалась Советская Россия, Ленин возложил также на Троцкого. Хотя первоначальные усилия

Троцкого по использованию переговоров в Брест-Литовске для стимулирования мировой революции заслуживали всяческих похвал, его отказ принять первый, представленный в виде ультиматума, вариант германских мирных условий и объявление вместо этого «ни мира, ни войны» было неоправданной ошибкой и, как намекнул Ленин, нарушением предварительной договоренности. Впрочем, даже несмотря на то, что все его предсказания относительно военной слабости России оказались верными, и противник легко победил ее малыми силами за 11 дней, не все еще было потеряно. Да, Петроград, похоже, был обречен, Ленин был в этом уверен и, как нам теперь известно, действовал, исходя из этого допущения. Однако, ратификация мирного договора, считал он, даже в его существующем виде, обеспечит стране мирную передышку, как минимум, в несколько дней, а, может быть, и больше, которую можно будет использовать для продолжения эвакуации столицы, создания новой армии, наведения порядка, налаживания экономической жизни, ремонта железных дорог и других существенных оборонных мероприятий. В целом, Ленин однозначно дал понять, что какую бы высокую цену ни пришлось заплатить за мир, она является необходимой ценой выживания (73).

Спокойное, взвешенное выступление Бухарина, представлявшее ответ «левых коммунистов», резко контрастировало с вступительным «залпом» Ленина. В ответ на неоднократные ленинские обвинения в том, что «левые коммунисты» упорно не желали посмотреть в лицо действительности и признать необходимость отступления, он напомнил Ленину, что «левые коммунисты», наоборот, всегда последовательно придерживались принципа, что русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала. Более того, «левые коммунисты» всегда признавали, что схватка России с империализмом начнется с поражений. С точки зрения Бухарина, фундаментальное различие между двумя позициями заключалось во взглядах на мировую революцию. В отличие от ленинистов, пессимистически оценивших ближайшие перспективы революции за рубежом, «левые коммунисты» видели в международном рабочем движении признаки существенного сдвига в сторону революции, и это оправдывало их позицию.

Бухарин также не согласился с утверждением Ленина, что даже несколько дней передышки облегчат проведение оборонных мероприятий в том объеме, который он наметил. Выступивший позднее Урицкий отнесся к этому ленинскому тезису еще более скептически. По представлениям Бухарина и Урицкого, очень короткая передышка в войне с Германией — а даже Ленин, похоже, понимал, что на большее надеяться не приходится — не спасет Россию, так как за это время невозможно будет провести все то, что наметил Ленин для укрепления ее военных и оборонных сил. Что же могло помочь революции оптимизировать возможности выживания? Ответ Ленина: мирная передышка, тщательно разработанную теорию которой он только что представил съезду. Ответ Бухарина: революционная война. По мере того как германские войска будут продвигаться вглубь России, все больше рабочих и крестьян, возмущенных угнетением и насилием, будет подниматься на борьбу. Вначале не имеющие опыта партизанские отряды будут терпеть поражение. Однако в ходе этой борьбы рабочий класс, разобщенный в условиях экономического хаоса, объединится под лозунгом священной войны против милитаризма и империализма. Рабочие и крестьяне научатся пользоваться оружием, создадут армию и, в конце концов, победят (74). По убеждению Бухарина, судьба и русской, и международной революции зависела от принятия этой стратегии.

Яростные дебаты вокруг Бреста продолжались на Седьмом съезде два дня, или, в общей сложности, двенадцать часов. Помимо Ленина и Бухарина, выступили еще 17 делегатов, из них 10 за ратификацию договора, 7 против. При голосовании голоса распределились следующим образом: 30 за ратификацию, 12 против, 4 воздержались (75). Этот результат стал последней каплей для Рязанова. Предательство интересов международного пролетариата, воплощенное в ленинской резолюции о признании Брестского мира, шло вразрез с его самыми глубокими революционными убеждениями, и он открыто объявил о выходе из партии (76).

Крестинский, задетый за живое ленинской критикой Троцкого за его тактику «ни войны, ни мира», предложил принять резолюцию, одобряющую действия Троцкого на переговорах. Как справедливо заметил Крестинский, позиция Троцкого в свое время была с энтузиазмом принята огромным большинством партийного руководства.

Тем не менее, резолюцию эту отвергли. Троцкий счел себя оскорбленным таким афронтом, резонно заключив, что из него делают козла отпущения за те трудности, с которыми столкнулась партия, и что отказ съезда принять резолюцию Крестинского означает выражение недоверия ему лично. В ответ он объявил, что отказывается от всех своих постов в правительстве (77). Зиновьев попытался успокоить Троцкого. По Бресту на съезде было предложено и вынесено на голосование множество резолюций, из которых, по крайней мере, несколько были истолкованы Лениным как завуалированные попытки дать шанс партийным сторонникам революционной войны на съезде Советов. Естественно, он был против этого. В конце концов, предложенная Зиновьевым резолюция, которая положительно оценила общую стратегию поведения советской делегации в Бресте, но при этом скрыто критиковала ее за упущенную возможность принять германские мирные условия, когда они были изложены в форме ультиматума, получила подавляющее число голосов (78).

На последнем заседании съезда вечером 8 марта делегаты согласились с доводом Ленина о том, что формальное название партии — Российская социал-демократическая партия (большевиков) — устарело, и партия должна быть переименована в Российскую коммунистическую партию (большевиков), сокращенно — РКП(б) (79). Как удалось уговорить Троцкого отказаться подавать в отставку, неизвестно. На выборах в ЦК, которыми съезд завершил свою работу, только он и Ленин получили максимум — 34 голоса из 39 (пятеро делегатов воздержались) (80). Возможно, такая большая поддержка помогла залечить обиду, причиненную критикой его провальной брестской тактики. Как бы то ни было, но именно в тот момент, когда Седьмой съезд партии заканчивал свою работу, некоторые правительственные структуры уже обосновывались в Москве, а тайные приготовления к переезду Совнаркома, ВЦИКа, ЦК РКП(б) и ЦК левых эсеров вступили в завершающую стадию.

* * *

26 февраля, в день, когда было принято решение покинуть Петроград, Совнарком распорядился в первую очередь немедленно эвакуировать Экспедицию заготовления государственных бумаг и золо-

той запас казны (81). Спешные приготовления к переезду вели также ключевые наркоматы и иностранные посольства. Второстепенные департаменты, такие, например, как Наркомат просвещения Луначарского, должны были оставаться в Петрограде как можно дольше. Американское посольство во главе с послом Дэвидом Фрэнсисом было эвакуировано в Вологду — город в 560 км к востоку от Петрограда, прямым железнодорожным сообщением связанный с северным портом Архангельском. Британское и французское посольства попытались покинуть Россию через Финляндию, но удалось это сделать только британцам. Французский посол Жозеф Нуленс и его сотрудники вскоре присоединились к американцам и другим, менее крупным, группам союзников в Вологде (82). Эти события и ожидания деловых кругов, что германская оккупация задушит революцию, привели к взлету цен на обмелевшей петроградской фондовой бирже (83).

В конце февраля Зиновьев во главе высокопоставленной делегации приехал в Москву, чтобы начать приготовления к размещению там правительства (84). Чтобы освободить помещения для работы и проживания прибывающих правительственные чиновников, из Москвы было приказано эвакуировать маловажные институты и лишних граждан. В Петроград Зиновьев вернулся 4 марта, но еще до его возвращения некоторые правительственные подразделения потянулись в новую столицу. Хотя операцию подобного масштаба невозможна было удержать в секрете, и, в подтверждение этого, несоветская пресса регулярно публиковала точные детали происходящего, 1 марта Президиум ВЦИК объявил, что все слухи относительно эвакуации из Петрограда Совнаркома и ВЦИК являются ложными, что и Совнарком, и ВЦИК остаются в городе и заняты самыми энергичными приготовлениями к обороне столицы, и что вопрос об эвакуации может встать только в самую последнюю минуту, в случае, если безопасность Петрограда окажется под самой страшной и непосредственной угрозой, чего пока не наблюдается (85). Подобные опровержения звучали всю следующую неделю (86).

Между тем, большевиков на местах всерьез беспокоил вопрос о негативном влиянии эвакуации правительства на петроградских рабочих. Это беспокойство всплыло на заседании Петербургского комитета партии 6 марта 1918 г. (87). Фенигштейн сообщил, что

эвакуация уже началась и что ведется она неправильно, первыми эвакуируются правительственные структуры. Это грозит тем, что массы могут остаться без руководства, и, если это случится, угроза контрреволюции возрастет многократно.

К этому моменту уже стало известно, что Германия советскую капитуляцию приняла, и, учитывая это, Станислав Косиор выразил уверенность, что ранее принятый план эвакуации будет пересмотрен. Однако даже он выступил с протестом против «панического характера эвакуации». Шелавин, который, в отличие от Фенигштейна и Косиора, не был «левым коммунистом», тем не менее, разделил их опасения. Он предложил проводить эвакуацию, опираясь на следующие принципы: 1) приоритет должен быть отдан эвакуации центрального заводского оборудования, а не государственным структурам; 2) эвакуация Советов недопустима, так как это оставит город и городское хозяйство без управления, а при эвакуации правительенных институтов не следует проявлять поспешность; 3) эвакуацию партийных органов нужно готовить постепенно и 4) когда возникнет необходимость, в первую очередь должны быть эвакуированы ВЦИК и Петербургский комитет большевиков. Эти принципы были приняты ПК с оговоркой, что о любой эвакуации население должно быть предупреждено заблаговременно, и что она не должна быть панической и внезапной. Затем они были переданы ЦК, но какого-то внятного эффекта на характер эвакуации не оказали, несмотря на то, что угроза немедленного нападения немцев на Петроград к тому времени заметно ослабела.

7 марта даже «Красная газета», которая еще накануне уверяла, что никто из правительенных служащих не уехал и не собирается уезжать, внезапно признала, что правительство действительно переезжает. Шаг этот объяснялся невозможностью осуществления перестройки политических и экономических институтов и руководства страной в условиях, когда враг находится так близко. Новость была скрашена сообщением о том, что Петроград будет объявлен свободным городом, и что этот статус сулит бесконечные экономические выгоды. «Новые ведомости» написали, что даже некоторые промышленники теперь предвкушают превращение Петрограда во «второй Нью-Йорк» (88). На следующий день, 8 марта, «Красная газета» сообщила, что Наркомат юстиции переезжает в Москву и возобнов-

вит свою деятельность на новом месте в следующий понедельник. Следует отметить, что ВЧК попыталась воспользоваться тем, что Штейнберг был полностью занят переездом, чтобы расстрелять некоторых политических заключенных. Узнав об этих планах чекистов буквально за пару часов до отъезда в Москву, Штейнберг набросал записку своему заместителю Александру Шрейдеру, приказывая остановить расстрелы (89).

Изначально решение Совнаркома эвакуировать правительство предполагало, что в Москву будет переведено минимальное количество служащих центрального аппарата (с семьями) и, соответственно, переправлены только самые важные бумаги и оборудование (90). На практике же руководство большинства наркоматов воспользовалось возможностью бежать подальше от немцев, чтобы вывезти в Москву своих многочисленных чиновников, от начальников до рядовых письмоводителей, с их семьями, а также огромное количество мебели и оборудования — буквально, до последней чернильницы. Этот массовый исход тяжким бременем лег на и без того перегруженные российские железные дороги, не говоря уже о жилищном фонде Москвы, и порождал сомнения в заявлениях Совнаркома о том, что переезд — явление временное и, в любом случае, подлежит утверждению Четвертым Всероссийским съездом Советов. Длинные перечни предметов, переправляемых в Москву, служат иллюстрацией этого явления. Например, среди 1806 предметов, вывозимых Морским генеральным штабом, присутствовали документы, карты, кабинетное оборудование и мебель, а также иконы (в описях многих кабинетов стояли первым номером), шторы, ковровые дорожки, зеркала, пепельницы, печки, кухонная утварь, тарелки, столовые приборы, самовары, обеденные столы и стулья, полотенца, одеяла и множество прочих нужных вещей. Полностью опустошены были примерно пятьдесят комнат в бывшем помещении штаба (91). Бонч-Бруевич забрал два грузовых вагона, предназначенных для транспортировки в Москву партийной литературы, чтобы вывезти обширную личную библиотеку и другую личную собственность (92). ВЧК также подчистила свои кабинеты, после того как 8 марта ее руководство приняло решение эвакуировать в Москву всю комиссию в полном составе, «не оставляя никого» (93). Вывозя из Петрограда в Москву все свои архивы, ВЧК оставляла сотни узников, томящихся в заклю-

чении на Гороховой, 2 и в «Крестах», без документов, свидетельствующих о причинах их ареста (94). Все это не только изрядно осложняло и затягивало процесс эвакуации центрального правительства, но и добавляло нелегких проблем советским властям, остававшимся в Петрограде. Неудивительно, что в конце марта руководство петроградских большевиков направило в ЦК письмо протеста, в котором выражало недовольство тем состоянием, в котором правительство, уехав, оставил город. Особенно возмутило петроградских большевиков поведение ВЧК и ее руководителя: «бумаги он вывез, следователей вывез, а подсудимых оставил здесь» (95).

Высшие органы Советской власти — Совнарком и ВЦИК — и центральные комитеты большевистской и левоэсеровской партий покинули Петроград под покровом ночи 10/11 марта. План поездки был тщательно проработан Бонч-Бруевичем. Согласно строго секретным инструкциям, члены правительственно-го и партийного руководства вместе с семьями и личными вещами отправлялись в Москву точно в назначенное время по специальному запасному пути Николаевской железной дороги, соединяющей две российские столицы. Для поездки были подготовлены, как минимум, три отдельных состава под охраной латышских стрелков. Ленин, Крупская, сестра Ленина Мария Ульянова и другие члены Совнаркома и их семьи ехали в головном составе. За ним, с интервалом в несколько минут, следовали поезда, перевозившие членов ВЦИК и ЦК правящих партий.

Все шло гладко до тех пор, пока поезда не достигли маленькой станции Малая Вишера, примерно в 120 км к юго-востоку от Петрограда. Здесь правительственный конвой был остановлен неожиданным присутствием на путях эшелона с вооруженными и неуправляемыми балтийскими матросами. На то, чтобы успокоить их, ушло несколько часов, после чего правительство смогло продолжить путь дальше уже без инцидентов. В советской литературе эпизоду под Малой Вишерой не придавалось большого значения: считалось, что анархически настроенные матросы, самовольно сбежавшие домой с фронта, случайно оказались в этом месте (96). Возможно, это действительно было так, поскольку блуждающие по стране банды мародерствующих солдат и матросов были в ту пору обычным явлением на российских железных дорогах. Правительственный конвой благополучно прибыл в Москву вечером 11 марта.

Однако возможность того, что матросы сознательно вознамерились остановить эвакуацию правительства, нельзя исключать. Кронштадтские матросы в целом, как группа, были особенно активными и упорными сторонниками революционной войны. Проявлением их независимости и радикализма стало сильное влияние, которым пользовались в Кронштадтском Совете левые эсеры (выступавшие в союзе с эсерами-максималистами — небольшой радикальной группой, отколовшейся от партии эсеров) в первые месяцы 1918 г. Типичным для массового сознания кронштадтцев в это время можно считать письмо, резко обращавшее на себя внимание в номере «Известий Кронштадтского Совета» от 2 марта (97). «Для того ли [мы] свергнули русский царизм и буржуазию, чтобы без борьбы склониться перед немецкими душителями? — спрашивал автор письма. — Нет, и тысячу раз нет!.. Позор трусам, бегущим из Петрограда!». Кронштадтский Совет продолжал призывать к отказу от мирной политики Совнаркома и возобновлению войны против Германии даже после того, как массовое мнение и большинство районных Советов Петрограда качнулось в сторону поддержки ратификации мирного договора. Впоследствии, как отмечал на Втором съезде партии левых эсеров в апреле 1918 г. кронштадтский левый эсер Александр Брушвит, «в большевистских кругах Кронштадт попал под подозрение; они [большевики] уже больше не хвалятся тем, что это краса и гордость революции» (98).

* * *

Четвертый Всероссийский съезд Советов проходил в Москве. Он открылся вечером 15 марта, спустя три дня после того, как основная масса государственных и партийных деятелей прибыла туда из Петрограда. Делегатам съезда предстояло вынести решение по поводу *fait accompli* в отношении главных вопросов повестки дня — ратификации Брестского мирного договора и перевода столицы из Петрограда в Москву. Согласно официальным спискам мандатной комиссии, из 1172 делегатов с правом голоса, присутствовавших на съезде, 814 были большевики (большинство из которых прибыли на съезд с обязательством поддержать ратификацию), 238 — левые эсеры и 114 — члены других партий и беспартийные (99). Предста-

вительство по Советам было неровным, прежде всего, в силу отсутствия твердо соблюдаемых правил избрания делегатов, а также проблем с транспортом и связью. Однако, по крайней мере, в том, что касалось соотношения между «ленинистами», «левыми коммунистами» и левыми эсерами, состав съезда не выглядел несправедливым. Несмотря на публичное обещание Штейнберга перед съездом проверить все делегации на предмет выявления «мертвых душ», только 14 мандатов большевиков с правом голоса были оспорены (100). Ни во время, ни после съезда ни у кого из левых эсеров или «левых коммунистов» не возникло сомнений в легитимности съезда.

Опубликованные данные опроса местных Советов о войне и мире, организованного Совнаркомом и ВЦИКом, в свое время выявили гораздо более сильную поддержку революционной войны, чем у делегатов съезда (101). Однако в середине марта считаться адекватными показателями общественного мнения они не могли, так как основная их масса относилась ко времени до заключения между Советской Россией и Германией предварительного мирного соглашения (3 марта) и до проведения в регионах и на местах собраний по выборам делегатов на Четвертый съезд Советов. Наибольшее влияние на выбор большевистских фракций на этих собраниях, вероятно, оказали итоги Седьмого Всероссийского съезда большевистской партии, полностью одобравшего ратификацию, и известия о полной катастрофе на фронте.

То, что подавляющее большинство большевистских делегатов съезда Советов поддерживают ратификацию, стало очевидно уже на первых заседаниях фракции 13 и 14 марта, на которых Ленин изложил аргументы в пользу ратификации, с докладами выступили представители провинциальных партийных организаций, и было решено, что Ленин будет представлять позицию партии на съезде. «Левые коммунисты», в очередной раз потерпевшие поражение, позже собрались отдельно, чтобы обсудить свою стратегию поведения на съезде (102). На этом собрании было решено, что свою антибрестскую позицию и будущую тактику «левые коммунисты» представят съезду в виде формального заявления. При этом, в интересах поддержания партийной дисциплины, они воздержатся от участия в дебатах по ратификации и от голосования по этому вопросу.

Проходившее одновременно собрание левоэсеровской фракции съезда заслушало доклады своих представителей в местных Советах, большинство из которых было против мирного договора. Камков и Штейнберг призвали однопартийцев продолжить бойкотирование ратификации, и, после продолжительной дискуссии, эта позиция была одобрена фракцией. Главный упор в ней был сделан не столько на отказе поддержать ратификацию Брестского договора, сколько на решении ЦК левых эсеров, обязавшем левоэсеровских представителей в Совнаркоме в случае, если договор будет одобрен, выйти из правительства, с тем чтобы оставить за партией право возглавить продолжающиеся «восстания» против германского империализма.

Ввиду всего этого, обсуждение ратификации на Четвертом Все-российском съезде Советов, как и следовало ожидать, оказалось простой формальностью. Почти все первое заседание 15 марта заняло пространное выступление Ленина в пользу ратификации мирного договора. Поскольку победа над противниками ратификации уже была одержана, Ленин постарался избежать ненужных выпадов в адрес «левых коммунистов» в надежде на скорейшее, хотя бы частичное, восстановление партийного единства. Центральной в его выступлении стала мысль о том, что силы мирового империализма и финансового капитала пошли в атаку на русскую революцию, началом которой стало наступление германских войск в середине февраля, и что дальнейшее развитие не имеющей сил противостоять этому натиску самостоятельно русской революции зависит от успешного восстания европейского пролетариата (103).

Поскольку «левые коммунисты» хранили молчание, главными докладчиками от оппонентов ратификации выступили Камков и Штейнберг. Камков посчитал нелепой саму идею того, что съезд должен ратифицировать мирный договор, в то время как некоторые области бывшей Российской империи, такие как Украина, продолжают оказывать немцам упорное сопротивление. Для него лично, Советская Россия все еще находилась в состоянии войны с Германией. Ратификация, утверждал он, не остановит Германию, она будет продолжать предъявлять России невозможные требования, так что ратификация неизбежно приведет к удушению русской революции и полному уничтожению всего того, что было достигнуто трудящимися в прошлом году.

В своей речи Ленин не стал останавливаться подробно на понятии «мирной передышки», которое было центральным в его аргументации в защиту мира на Седьмом съезде партии и в его статьях этого периода. Однако Камков эту тему вниманием не обошел. Он дал понять, что для него идея того, что «мир» на условиях, предложенных немцами, может иметь какое бы то ни было стратегическое значение, является смехотворной. Строительство армии, к примеру, при соблюдении германских условий будет невозможно. Под каким углом зрения ни смотри, подчеркивал Камков, ратификация ничего не решает. При этом он не переоценивал возможности ведения успешных оборонительных действий русской армией, делая упор не столько на традиционную военную стратегию, сколько на эффективность партизанской борьбы и вероятность того, что на помощь революционной России придут назревшие социалистические революции за рубежом — если капитуляция России перед германским империализмом не уничтожит их. Ратифицируя Брестский договор, Советская Россия не только обречет на смерть себя, но и совершил глубоко предательский акт по отношению к международному пролетариату. Ратификация подорвет массовый революционный подъем, который непременно возникнет при виде борющейся, возможно, даже погибающей, но непобежденной революционной России — но не подавленной, растоптанной, поставленной на колени, какой ее сделает капитуляция, предлагаемая Лениным (104).

В заключение Камков обрисовал тактику левых эсеров в случае, если мирный договор с Германией будет ратифицирован. Они сделают все возможное, чтобы сорвать выполнение мирных условий, и будут перебрасывать свои вооруженные силы туда, где борьба русских рабочих и крестьян против немцев будет продолжаться, до тех пор пока международный пролетариат не придет к ним на выручку, а в том, что это, в конце концов, произойдет, они были уверены (105). Штейнберг также с презрением отозвался о позиции Ленина и заявил, что требования немцев не оставили Советской России иного выбора, кроме как бороться и своим примером поднимать на борьбу международный пролетариат. Если мирный договор будет ратифицирован, предупредил он, левые эсеры выйдут из Совнаркома, после чего, поведя за собой лучшие элементы трудящихся классов, плечом к плечу с здоровыми элементами большевистской пар-

тии, они продолжат борьбу (106). Это замечание Штейнберга было единственным упоминанием на съезде о том, что левые эсеры надеются на сотрудничество с «левыми коммунистами».

В промежутках между выступлениями Ленина, Камкова, Штейнберга, а также Зиновьева съезд выслушал замечания Мартова от меньшевиков, Михаила Лихача от правых эсеров и центристов, Александра Ге от анархо-коммунистов, Григория Ривкина от эсеров-максималистов и Валериана Плетнева от объединенных социал-демократов интернационалистов. Все они, от Мартова до Плетнева, выступали решительно против ратификации и предлагали соответствующие резолюции. В этих резолюциях все вышеназванные партии, за исключением анархо-коммунистов и эсеров-максималистов, предлагали отстранить большевиков от власти путем нового созыва Учредительного собрания, выборов нового правительства на основе всеобщего избирательного права или фундаментального изменения структуры существующей Советской системы.

То, что съезд подавляющим большинством голосов проголосует за ратификацию, было ясно с самого начала. И только после того, как результат голосования был зарегистрирован, Свердлов позволил «левым коммунистам» обнародовать свою последовательно антибрестскую позицию. В официальном заявлении, явно рассчитанном на то, чтобы быть представленным до голосования, в последний день съезда (16 марта) «левые коммунисты» требовали отказаться от ратификации договора, заменив ее призывом к священной защите социалистической революции. Заявление, подписанное 58 левокоммунистическими делегатами с правом решающего голоса и еще 9 «левыми коммунистами» — членами ВЦИК, заканчивалось разъяснением, что поскольку его авторы чувствуют себя обязанными открыто изложить свои взгляды, но понимают, что раскол партии несет угрозу делу революции, то после зачтения заявления они намерены воздержаться от участия в голосовании по ратификации договора. В целом, уклонившись от ратификации договора и открытого раскола в партии, «левые коммунисты» ясно дали понять, что они продолжат выступать против сепаратного мира и за организацию обороны революционной России (107).

Одобрав ратификацию мирного договора, съезд перешел к не менее формальному рассмотрению вопроса о переносе столицы из Петрограда в Москву. Представлять позицию большевиков по этому

вопросу выпало Зиновьеву, все еще являвшемуся председателем Петроградского Совета. По его словам, переезд в Москву был продиктован крайне тяжелым стратегическим положением, в котором оказался Петроград (на что кто-то из правых делегатов выкрикнул: «что, чемоданов не хватает?»). Признавая, что перемещение столицы есть вопрос не недель и не месяцев, он, тем не менее, настаивал, что оно будет относительно коротким. Резолюция, которую он представил и которая была одобрена почти единогласно, просто констатировала, что в связи с изменением военно-политической ситуации в Петрограде столица Российской Социалистической Федеративной Советской Республики «временно» переносится в Москву (108).

* * *

Левые эсеры и «левые коммунисты» выполнили свою угрозу выйти из правительства, если Брестский договор будет ратифицирован. Два дня спустя после закрытия съезда Советов, на первом московском заседании Совнаркома (18 марта) главным вопросом повестки дня стоял «общеминистерский кризис», вызванный отставками из правительства левых эсеров и «левых коммунистов» Александры Коллонтай, Владимира Смирнова, Валериана Оболенского (Осинского) и Павла Дыбенко. В спешно написанных заявлениях практически все выходящие из правительства левые эсеры обосновывали свой поступок решением своего ЦК (109).

У наблюдателей вполне могла закружиться голова от скорости, с которой менялись отношения между большевиками и левыми эсерами на высшем уровне. На Третьем съезде Советов в январе Ленин с восторгом отзывался об альянсе большевиков и левых эсеров, утверждая, что он крепнет не просто с каждым днем, а с каждым часом, и что большинство решений в двухпартийном Совнаркоме принимается единодушным голосованием (110). А чуть больше двух месяцев спустя, после Четвертого съезда Советов, он без сожаления распустил союз двух партий, считая, что то была «без радости любовь, разлука будет без печали» (111).

Уход «левых коммунистов» и левых эсеров из Совнаркома не отразился на их участии в советских органах на более низком и местном уровнях, где они продолжили свою борьбу против Брестского мира. Кроме того, левые эсеры усилили партизанскую войну против немцев в Прибалтике и на Украине и даже предприняли шаги к осу-

ществлению программы индивидуального террора в отношении высших германских чинов (112).

Между тем, в Петрограде между ленинистами и «левыми коммунистами» разыгралась схватка за политическое лидерство. 9 марта Петербургский комитет принял решение созвать 20 марта Пятую, чрезвычайную, городскую конференцию петроградских большевиков. Предполагаемой целью этой конференции должно было стать определение отношения рядовых членов партийной организации к принятому накануне (8 марта) решению Седьмого Всероссийского съезда РКП(б) о ратификации Брестского договора (113). Очевидно, только 12 марта, в промежутке между Седьмым съездом партии и Четвертым съездом Советов, ПК впервые обсудил направленную против него резолюцию, принятую большевистской фракцией Петросовета 5 марта. Реакция ПК на атаку фракции против «Коммуниста» и на беспрецедентное требование перевыборов Петербургского комитета была на редкость сдержанной, что отчасти, несомненно, было вызвано его пошатнувшимся положением. ПК просто еще раз подтвердил дату созыва чрезвычайной городской партийной конференции для рассмотрения всех спорных вопросов и отчетливо напомнил партийной фракции Совета, что его левокоммунистические тезисы были приняты на продолжении Четвертой городской партийной конференции 1 марта (114).

Соответствующее заявление было опубликовано в «Коммунисте» 14 марта (115). Левокоммунистическое большинство Петербургского комитета, без сомнения, надеялось, что после осмысления и обсуждения, да с помощью «Коммуниста», большевики «в районах» откажутся признать поддержку Брестского мира Седьмым съездом партии и его формальную ратификацию Всероссийским съездом Советов (если съезд это сделает). Иначе говоря, они надеялись, что рядовые петроградские большевики останутся верны революционным принципам, как их представляли себе «левые коммунисты», и что на выборах делегатов городской партийной конференции они проголосуют соответствующим образом. Но этому не суждено было сбыться. Во время дебатов о войне и мире на Пятой (чрезвычайной) городской конференции петроградских большевиков 20 марта Радек, выступавший от левокоммунистического Петербургского комитета, заклеймил Брестский мир как серьезное поражение социа-

листической революции и призвал положить конец уступкам Германии. От сторонников ратификации на конференции выступил Зиновьев, который обрушился с критикой на «левых коммунистов», потребовал закрыть «Коммунист» и настойчиво советовал «левым коммунистам» перестать сеять рознь в общих партийных организациях. Итогом этого столкновения стало голосование, полностью противоположное тому, что состоялось 1 марта. За антибрестовскую резолюцию Радека было подано семь голосов, а за резолюцию Зиновьева в поддержку ратификации — пятьдесят семь (116).

* * *

В первые дни после возобновления германского наступления 18 февраля советские власти в Петрограде лихорадочно взялись за укрепление городской обороны. Однако эти усилия подрывались такими факторами, как глубокая деморализация войск петроградского гарнизона и колебания в среде городского пролетариата, разочарованного экономическими итогами Октябрьской революции, поредевшего от предыдущих мобилизаций и дезориентированного внезапностью германского наступления. Ни старания районных Советов, в которых были сосредоточены наиболее опытные большевистские местные руководящие кадры, ни призывы национального руководства партий большевиков и левых эсеров не помогли существенно увеличить численность призывников Красной армии. Еще более усугубляла кризисную ситуацию в Петрограде активизация подрывной деятельности различных контрреволюционных групп, несмотря на усиленную борьбу с ними органов безопасности. Оккупация немцами Пскова 24 февраля способствовала некоторому прогрессу в деле мобилизации советских войск, особенно, если учитывать рост численности не только регулярной Красной армии, но и нерегулярных партизанских отрядов и боевых дружин левых эсеров. Однако, по мере того как распространялись сведения о размерах катастрофы на фронте и рабочие приходили к выводу, что сражаться с немцами значит обречь себя на неминуемую гибель, от умеренного подъема призывного энтузиазма не осталось и следа.

Все это время левокоммунистическое руководство петроградской организации большевиков продолжало яростно противиться заключению Брестского мирного договора и твердо стояло за револю-

ционную войну. Это подтверждает и позиция ПК на возобновившей 1 марта свою работу Четвертой городской конференции петроградских большевиков, и выход 5 марта первого номера «Коммуниста». Однако очень скоро петроградские «левые коммунисты» оказались вынуждены признать слабость массовой поддержки своих взглядов. Кроме того, независимая позиция Петербургского комитета вызвала возмущение проленинской партийной фракции Петроградского Совета и спровоцировала решение ЦК о его роспуске и перевыборах. Открывшаяся 20 марта Пятая (чрезвычайная) городская конференция петроградских большевиков, на которой ленинисты во главе с Зиновьевым одержали победу над «левыми коммунистами» во главе с Радеком, знаменует собой конец независимого левокоммунистического движения в Петрограде.

Между тем, Брестский мирный договор был ратифицирован малочисленным Седьмым Всероссийским съездом большевистской партии, состоявшимся в Петрограде незадолго до переезда Советского правительства в Москву. Хотя ратификация была официально подтверждена Четвертым Всероссийским съездом Советов, борьба вокруг договора не утихала и продолжала оказывать негативное влияние на политическую жизнь страны. В результате «левые коммунисты», как и левые эсеры, вышли из состава Совнаркома, и многие из них после этого заняли независимую позицию. Кроме того, если Ленин после переезда правительства в Москву видел главную ценность Петрограда в его человеческих и промышленных ресурсах, которые можно было спасти от немцев и использовать где-то еще, того же нельзя было сказать про оставшихся в городе большевистских лидеров. Для них «красный Петроград» был по-прежнему гордостью — главным штабом и оплотом приближающейся мировой революции. А самое главное, им предстояло решить трудную задачу выживания Советской власти в Петрограде во все более сложных и враждебных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Декреты Советской власти Т 1 С 512, Известия 1918 3 марта С 1

2 РГАСПИ Ф.19 Оп 1 Д 70 Л 1

3 Там же Д 68 Л 1-1об

4 См. выше, глава 6

- 5 Известия. 1918 22 февраля С 1; РГАСПИ. Ф 19 Оп 1 Д 67
6. Фрайман Революционная защита Петрограда С 132
- 7 ЦГАИПД Ф 4000. Оп 5 Д 212 Л 148.
8. См., напр., в этой связи Знамя труда 1918 24 февраля С 3
- 9 См., напр. Фрайман Указ соч С 122
- 10 Восчная организация партии большевиков, которая подготовила части Петроградского гарнизона к революционным действиям в 1917 г и из которой вышли первые восчные руководители, командиры и комиссары Красной армии (в их числе Подвойский, Крыленко, Антонов-Овчинко и Еремеев), к тому времени фактически прекратила существование. Формальный распуск ее состоялся в конце марта 1918 г — Петроградская правда 1918 26 марта С 1
- 11 См., напр., положительный отклик на этот призыв, полученный на общем собрании членов большевистской партии и сочувствующих Охтинского района 24 февраля ЦГАИПД Ф 10 Оп 1 Д 12 Л 5–6
- 12 Там же Ф 4000 Оп 7 Д 814 Л 91
13. См., напр., ЦГА СПб Ф 9618. Оп.1. Д.229 Л.83 В конце марта ПК большевиков, с опозданием, начал организовывать свои подобные отряды. Однако этот процесс оказался замедлен из-за организационных разногласий и из-за «изъятия» личного состава из этих отрядов и переброски его в части Красной армии, а позже — в продотряды — ЦГАИПД Ф 4000. Оп 7 Д 64 Л 5, 6–6об, 12, 23, 37, 58–60, 215–218
- 14 Фрайман Указ соч С 91
- 15 Известия 1918. 26 февраля С 3, Фрайман Указ соч С 91
- 16 Известия 1918 23 февраля. С 3
- 17 ЦГА СПб Ф 101 Оп 1 Д 38 Л 120
- 18 Там же Ф 150 Оп 1 Д 3 Л 121
- 19 Там же Ф 9618. Оп 1 Д.240 Л 19
- 20 Протокол этого заседания см. ЦГА СПб Ф 6276 Оп 3 Д 163 Л 5–6
- 21 Фрайман Указ соч С 93 По поводу металлистов см. Крах германской оккупации на Псковщине Сборник документов Сост. Фрайман Л., 1939 С 73, по поводу транспортников см. ЦГА СПб Ф 6276 Оп.3 Д.123. Л.6–7, по поводу пищевиков — Ф 6261 Оп 2. Д 2. Л 29; по поводу деревообрабатчиков — Ф.5937 Оп 2. Д 4. Л 49
- 22 Известия 1918 23 февраля С 1, 26 февраля С 6.
- 23 См., напр., Фрайман Указ соч С 88–89
- 24 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1. Д 240 Л 30; Ф 2421 Оп 1 Д 4 Л 18–19
- 25 ГАРФ Ф 130 Оп 2. Д 1098 Л 8
- 26 См. заявление Полукарова на этот счет на открытии Первого Всероссийского совещания чрезвычайных комиссий 11 июня 1918 г — ЦА ФСБ Ф 1 Оп 3 Д 11 Л 4
- 27 ЦГА СПб. Ф 9618 Оп 1. Д 266 Л.6; Ф 47 Оп 1 Д.28 Л 32–32об, Ф 101. Оп 1. Д 30 Л 119. Д 38 Л 2–3об
- 28 Василеостровский и Петергофский районные Советы создали свои ЧК в это время (ЦГА СПб Ф 47 Оп 1 Д 28 Л 32–32об; Ф 101 Оп 1 Д 38 Л 2–3об), возможно, тоже сделали и другие районные Советы
- 29 См РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 67
- 30 Там же Д 68 Л 2
- 31 Steinberg In the Workshop Р 146
- 32 Из истории ВЧК, 1917–1921 Сборник документов — М., 1958 С 95–96
- 33 Правда 1918 22 февраля С 2
- 34 АУ ФСБ СПб и ЛО № Н-47037 По поводу Перельцева см. ниже, глава 12

- 35 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1. Д 226 Л 43
- 36 Там же Ф 101 Оп 1 Д 53 Л 14, Д 226 Л 39
- 37 Там же Ф 9618 Оп 1 Д 240 Л 59 Хотя нет сведений о том, что расстрелы на месте где-нибудь были осуществлены на практике, многие горожане были арестованы и подвергнуты суду Революционного трибунала Петроградского Совета за распространение антисоветской пропаганды в дни этого кризиса. См., напр., ГАРФ Ф 336 Оп 1 Д 149, 216
- 38 ЦГА СПб Ф 47 Оп 1 Д 44 Л 85
- 39 Сводку этих отчетов см. в ГАРФ Ф 393 Оп 2 Д 70 Л 137–138об
- 40 ГАРФ Ф 393 Оп 2 Д 70 Л 138об
- 41 Там же Л 137об
- 42 Там же Л 137об-138
- 43 Там же Л.137
- 44 Там же
- 45 Там же
- 46 Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской красной гвардии и рабочей милиции. — М.—Л., 1965. С 244–246.
- 47 Дингельштедт Ф Из воспоминаний агитатора Петроградского комитета РСДРП (б) (с сентября 1917 г. по март 1918 г.) //Красная летопись 1927 № 1(22). С.65–68
48. Седьмой (экстренный) съезд РКП(б) С 90
- 49 ЦГА СПб Ф 6276 Оп 3 Д 6 Л 12
- 50 Там же Л 14об.
- 51 Там же Ф 9618. Оп 1 Д 191 Л 44–64
- 52 Там же Л 45–47
- 53 Там же Л 57–58
- 54 РГАСПИ Ф 17 Оп 65 Д 57 Л 35
- 55 См. выше, глава 6
- 56 ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 113 Л 7–9об См. также Оп 1 Д.67
- 57 Правда 1918 2 марта С 1
- 58 Там же
- 59 ЦГАИПД Ф 1 Оп 4 Д 113 Л 7–8об
- 60 Там же. Л 9. Бухарин имел в виду заседание ЦК 23 февраля, о котором шла речь в главе 6
61. ЦГАИПД Ф 1. Оп 4 Д 113 Л 9об.
- 62 Не путать с одноименным теоретическим журналом, издаваемым Московским областным бюро большевиков с апреля по июнь 1918 г
- 63 Коммунист 1918 5 марта С 4 См. также Коммунист 1918 14 марта С 2
- 64 Коммунист 1918 14 марта С 3 Были и исключения. Так, на заседании партийного комитета Нарвского района большинство проголосовало за революционную войну — Коммунист 1918 15 марта С 4, 17 марта С 4
- 65 См., напр., ЦГАИПД Ф 2315 Оп 1 Д 3 Л 83; Ф 8 Оп 1 Д 2 Л 1–1об
- 66 ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 201 Л 3
- 67 Красная газета 1918 6 марта С 2
- 68 ЦГАИПД Ф 1. Оп 4 Д 128 Л 3
- 69 Там же Оп 1 Д 3 Л 2 Параллельно Петербургский комитет направил в ЦК аналогичную просьбу самостоятельно — ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 105 Л 1
- 70 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) С 165 Протокол этого заседания был внесен в издание протоколов ЦК РСДРП (б) за 1917–1918 гг., опубликованное в 1958 г. Однако он был датирован 19 января, что, как впервые указал в 1966 г. советский историк Е. В. Клопов, было несомненной ошибкой. Французский историк Эва Берар.

напротив, считает, что 19 января было правильной датой этого заседания Но, хотя она убедительно доказывает, что одним из факторов, заставивших правительство эвакуироваться в Москву, было стремление обезопасить себя от непрекращающихся контрреволюционных заговоров в Петрограде, очевидно, что это заседание все-таки имело место 9 марта. По поводу этого спора см. Клюдов Е В Даты заседаний ЦК РКП(б) необходимо уточнить (9 марта 1918 г.) //Вопросы истории КПСС. 1966 № 11 С 118–119 и Берар Эва Почему большевики покинули Петроград? //Минувшее Исторический альманах № 14 1993 С.226–250

71. Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). С 1.

72 Там же

73. Там же С 7–24

74 Там же С 24–40.

75 Там же. С 127–128.

76. Там же С 128.

77 Там же С 129

78. Там же С.137

79. Там же. С 176–177

80 Там же С 170.

81 РГАСПИ Ф 19. Оп 1 Д 70 Л 1

82 О Вологде как дипломатической столице см. Быков А, Панов Л Дипломатическая столица России — Вологда, 1998

83 Известия 1918 27 февраля С 2

84 Наше время (Москва) 1918. 7 марта. С 3, Красная газета 1918 6 марта С.4.

85 Знамя труда 1918 1 марта С 3.

86. Только 6 марта Президиум Петроградского Совета издал указ об аресте граждан, распространяющих ложные слухи о беспорядках правительства — ЦГА СПб. Ф 9618. Оп 1 Д 240. Л.80 См. также Ф.47 Оп 1 Д 42. Л.49.

87 ЦГАИПД Ф 1 Оп.2 Д.3. Л 1–5

88 Новые ведомости 1918 21 марта. С.4

89 ГАРФ. Ф 6148. Оп 1 Д 2. Опубликовано в: Пути революции Статьи, материалы, воспоминания. — Берлин, 1923. С.357

90 РГАСПИ Ф 19 Оп.1 Д 70 Л 1

91 РГА ВМФ Ф р-342. Оп.1 Д 116 Л 34–56об

92 Из переписки Е Д Стасовой и К Т. Новгородцевой (Свердловой), март–декабрь 1918 г //Вопросы истории 1956 № 10 С 91–92

93. Левые эсеры и ВЧК Сборник документов / Под ред А Л Литвина — Казань, 1996 С 51–52

94 Новая жизнь 1918 14 марта С.1 ВЧК покинула Петроград в полдень 9 марта

95 РГАСПИ Ф 446. Оп.1. Д.1. Л.2–2об.

96 См., напр. Бонч-Бруевич В Д Пересезд Советского правительства из Петрограда в Москву (по личным воспоминаниям) — М., 1926. С 16–18 и Яковлев В Мало-Вишерский эпизод (Пересезд Совнаркома в Москву в 1918 г.) //Красная летопись 1934 № 1 (58) С 94–102

97. Известия Кронштадтского Совета. 1918 2 марта С 3

98 Партия левых социалистов-революционеров Документы и материалы С 261

99 Стенографический отчет 4-го чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов — М, 1920 С 83

100 Там же С 82 По поводу обещания Штейнберга см. Новый вскорей час 1918 14 марта С 1

- 101 См., напр., *Ознобишин Д В* Ленинский свод отвстов местных Советов на запрос СНК о заключении Брестского мира //Источникоеденис истории советского общества Вып 2 — М, 1968 С 189–243
- 102 Социал-демократ 1918 15 марта С.2
- 103 Стенографический отчет 4-го чрсзычайного съезда С 18–22
- 104 Там же С 23–31
- 105 Там же С 48–51
- 106 Там же С 40–43
- 107 Там же С 64–65
- 108 Там же С 70–73
- 109 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 77 Л 9–14 Из всех подавших в отставку наркомов — «левых коммунистов» только Александра Коллонтай, нарком госпризрения, объяснила причины своего поступка письменно Она писала, что поддержка сю революционной войны и убжденность в том, что ратификация соглашения с «австро-германскими империалистами» ослабляет революционный порыв мирового пролетариата и подрывает стабильность Советской власти в России, не оставляют сий иного выбора, кроме отставки — РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 79. Л 10
- 110 Третий Всероссийский съезд Советов С 23
- 111 Вечерние ведомости 1918 18 марта С 4
- 112 См ниже, глава 11
- 113 Объявление ПК о созыве конференции и ее задачах см. Коммунист 1918 10 марта. С.1
- 114 ЦГАИПД Ф.4000. Оп 7. Д 814. Л 82–83
115. Коммунист 1918 14 марта С 2
- 116 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 69 Л 2об — 8, *Лурье М* Из истории борьбы с «левыми коммунистами» в Петроградской организации большевиков //Красная летопись 1934 № 2 (59) С 105–111